

## СНИМИ ТРАУРЪ.

### I.

Первую вѣсть о кончинѣ молодого литератора, Сергѣя Аполлоновича Лешинского, пошедшаго на войну добровольцемъ рядовымъ и убитаго немцами, получилъ его близкій давній другъ, Борисъ Михайловичъ Тимаевъ. Они были дружны съ дѣтства, вмѣстѣ учились въ гимназій, вмѣстѣ отбыли годы университетской науки, оба на юридическомъ факультетѣ. Потомъ Лешинскій и Тимаевъ вмѣстѣ зачислились помощниками присяжныхъ повѣренныхъ, но оба занялись не столько юридическою практикою, сколько журнальною и газетною работою. Для довершенія близости они даже и женаты были на родныхъ сестрахъ.

Лешинскій былъ человекъ большой душевной чистоты, и, какъ всякій хороший русский интеллигентный человекъ, чувствовалъ себя ответственнымъ свыше мѣры своихъ силъ за несовершенство русской общественной жизни. Это бросало тѣнь грусти на его одушевленное

верное лицо съ пламенно-горящими глазами, и заставляло его строить личную жизнь строго аскетически. Онъ избрѣлъ свою систему возрожденія Россіи, и страстно проповѣдывалъ ее. Къ женщинамъ онъ относился цѣломудренно-нѣжно. Женился онъ очень рано, еще когда былъ въ университетѣ, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, на старшей изъ двухъ дочерей покойнаго профессора Дѣяновскаго, Евгени Валентиновнѣ. Эта дѣвушка плѣнила его своею тихостью и улыбочивою мечтательностью. Черезъ годъ послѣ свадьбы у нихъ родился сынъ Леонидъ. Другихъ дѣтей не было.

Тимаевъ былъ самый обыкновенный молодой литераторъ питерскій, съ издерганными нервами и съ зеленымъ лицомъ. Его жена, Валентина, младшая дочь Дѣяновскаго, занималась живописью, была тонка, блѣдна и раздражительна.

Въ редакціи газеты, гдѣ работалъ Тимаевъ онъ узналъ о смерти Лепинскаго. Онъ помчался домой, яростно погоняя извозчика.

— Дорога плохая,—оправдывался бородачъ и, по питерскому обыкновенію, очень грязный извозчикъ, подергивая свою дымящуюся лошадедку мышинаго цвѣта съ раздутымъ животомъ, что дѣлало ее похожею на безрогоу корову.

Сани то скользили по неглубокому сфрватому снѣгу, то визжали на обледенѣлыхъ камняхъ крупно-булыжной мостовой. Извозчикъ вытаскивалъ кнутъ, и замахивался надъ лошадей. Тимаевъ кричалъ:

— Извозчикъ, не бейте лошади! Вы ее вожжами правите. Вы вожжи опустили, кнутомъ хотите. Нельзя бить лошадей!

— Безъ кнута она не побѣжитъ,—уныло отвѣчалъ извозчикъ.—Она—хитрая.

Кое-как добрались до дому. Тимаевъ влетѣлъ на лифтѣ въ седьмой этажъ громаднаго дома, гдѣ была его квартира.

Валентина сидѣла передъ натянутымъ полотномъ, освѣщеннымъ сверху яркимъ свѣтомъ стовѣчевой электрической лампочки, и судорожно бросала на холсты мазки самыхъ неожиданныхъ колеровъ. Первые слова, которыя услышалъ Тимаевъ, были гнѣвнымъ окрикомъ:

— Не можешь стоять не надо было братья! Самъ напросился, потерпи немножко.

Тонкій голосокъ робко пищалъ:

— Да я тетечка, ничего. Я только немножко ворохнулся, а то по ногамъ мурашки побѣжали.

Тимаевъ досадливо подумалъ:

«Совершенно неожиданное осложнение. Нельзя же при мальчикѣ вдругъ бухнуть о смерти его отца».

А ждать было нельзя. Тимаевъ потому и торопился домой, что хотѣлъ, чтобы Валентина осторожно подготовила сестру Евгенію къ ужасной вѣсти.

Тимаевъ вошелъ въ комнату. Маленьки Леонидъ радостно улыбнулся ему навстрѣчу, но не двигался. Мускулы его худенькаго тѣла слегка вздрагивали отъ усталости, но это тѣло казалось радостнымъ и еще хранящимъ слѣды глубокаго лѣтняго загара.

Тимаевъ молча пожалъ руку Валентины, и глянуть на холсты.

«Хорошо!»—подумалъ онъ.

Изъ безформеннаго хаоса мазковъ уже возникалъ образъ яркій, сильный, стремительный, радостный,—буйный и сильный отрокъ съ пламенно-горящими, какъ у покойнаго Сергѣя, глазами.

— Непохоже, но хорошо!—сказалъ онъ тихо.

— Ты не можешь без критики! — двинувъ плечамъ  
сказала Валентина.

Тимаевъ отошелъ къ диванчику. Чтобы сѣсть за спи-  
ною мальчика, онъ подвинулъ къ одному краю торопли-  
во брошенную на диванчикъ одежду Леонида. Сѣлъ и,  
видя что мальчику онъ не виденъ, одѣлалъ вырази-  
тельный жестъ жёнѣ отъ мальчика къ дверямъ. Валентина  
поняла, но рассердилась.

— Еще бы только полчаса.

— Ленъка усталъ, — сказали Тимаевъ.

Леонидъ, не оборачиваясь къ нему, сказалъ все тѣмъ  
же пѣжнымъ и хрупкимъ голоскомъ:

— Дядечка, я еще могу постоять полчаса.

Тимаевъ нахмурился, и настойчиво повторилъ свой  
жестъ. По отчаянному выраженю его лица Валенти-  
на поняла, что случилось что-то важное. Она шумно ото-  
двинула стулъ, бросила на табуретъ кисти и палитру,  
и досадливо крикнула:

— Ленъка, одѣвайся!

Леонидъ подбѣжалъ къ полотну поглядѣть.

— Не смѣй смотрѣть, — крикнула Валентина. — Со-  
всѣмъ еще ничего не одѣлано.

Леонидъ засмѣялся, обхватилъ тонкими руками ея  
шею, крикнулъ:

— Спасибо, тетечка!

Поцѣловалъ ее, и побѣжалъ одѣваться.

Когда Леонидъ ушелъ Валентина тревожно спро-  
сила:

— Ну, что, Борисъ?

— Сергѣй убить, — сказалъ Тимаевъ.

Валентина поблѣднѣла, вадрожала, заплакала.

— Боже мой! Боже мой! Евгения не вынесетъ этого.

— У нея сынъ—угрюмо сказалъ Тимаевъ.

Схватился за голову, и бросился къ себѣ въ кабинетъ, чувствуя на щекахъ своихъ слезы, стыдясь ихъ и странно имъ радуясь. Онъ упалъ на свой диванъ лицомъ къ спинкѣ, и только теперь ясно понялъ и почувствовалъ, какое въ этой вѣсти для него горе. И для него, и для родныхъ, и для друзей, которые всѣ такъ любили свѣтлую душу покойнаго Сергѣя Лешинскаго.

Черезъ нѣсколько минутъ въ кабинетъ вошла Валентина, уже одѣтая въ шубѣ и шляпѣ.

— И пойду къ Женѣ,—сказала она.

Тимаевъ, поспѣшно вытеревъ платкомъ слезы, быстро всталъ съ дивана.

— Да, да, пожди. Только ты не сразу.

— Ахъ, конечно, не сразу!—отвѣчала Валентина.— Я подготовлю постепенно.

Какъ это часто бываетъ, когда душа потрясена высокимъ чувствомъ, проказливая память подсказала Тимаеву глушій анекдотъ, и онъ сказалъ:

— Карапетъ немножко простудился, вазера похороны.

Валентина сердито посмотрѣла на него, хотѣла сказать что-то рѣзкое, но увидѣла его расстроенное лицо и покрасѣвшіе глаза, опять зашлась, поцѣловала мужа, и вышла.

## II.

Лешинские жили недалеко, минутъ пять ходьбы. Такой же громадный домъ съ такими же архитектурными вычурями, такой же узкій лифтъ, двумя едва повернуться, такая же свѣтлая и уютная квартира на седьмомъ, полумансардномъ этажѣ.

Евгения встретила Валентину въ передней. Улыбаясь приятно, поцѣловала ее. Сказала:

— Ленька счастливый пришелъ, говорить, — портретъ очень красивый будетъ, гораздо лучше меня самого.

Потомъ взглянувшись, обезпокоилась.

— Ты плакала о чемъ-то?

Валентина принужденно улыбнулась.

— О чемъ мнѣ плакать? Очень рѣзкій свѣтъ быть у меня въ мастерской и я немножко долго работала, глаза покраснѣли, да и Ленька усталъ.

Леонидъ выбѣжалъ, опять поцѣловалъ Валентину.

— Нѣтъ, тетечка, ничего я только немножко усталъ.

Вошли въ комнату. Было свѣтло, тепло и грустно.

— Выпьешь съ нами чаю?—спросила Евгения.

— Да, пожалуйста.

«Надо удалить Леонида»,—подумала Валентина.

— Сама чаю,—сказала Евгения вопедшей на звонокъ горничной.

Валентина тихо сказала сестрѣ:

— У меня капризы, точно я въ положеніи.

И погромче, чтобы слышалъ вертѣвшійся тутъ же все еще радостный, Леонидъ:

— Вдругъ захотѣлось калача. И непременно отъ Филиппова.

— Я сбѣгаю,—вызвался Леонидъ.

— Вотъ я и хотѣла просить, Женя, чтобы ты Леньку послала. Если Саню послать, она возьметъ гдѣ попало, а Ленька ужъ вѣрно добѣжитъ до Филиппова. Да Ленечка, ничего что далеко?

— Ничуть не далеко, тетечка, — весело отвѣчала Леонидъ—живымъ духомъ слетаю.

Евгения внимательно смотрѣла на Валентину. Она

слегка поблѣднѣла, и пальцы ея дрожали, когда она доставала изъ кошелька серебряную монетку для Леониды.

— Одѣнься потеплѣе, Ленька, — говорила она сыну, — да не бѣги очень скоро, еще упадешь, поскользнешься. Сапа только что самоваръ поставила, успѣешь вернуться и не торопясь. На сдачу можешь купить себѣ шоколадку.

Сама затворила за Леонидомъ дверь на лѣстницу, и вернулась къ сестрѣ.

«Леонидъ еще не такъ скоро вернется, — думала Валентина боязливо, — успѣю понемногу, какъ-нибудь, въ разговорѣ».

Евгения сѣла противъ сестры, и смотрѣла на нее молча и тревожно. Валентина заговорила о вѣстяхъ изъ арміи.

— Отъ Сергѣя давно писемъ нѣтъ, — тихо сказала Евгения.

Ея блѣдное, вдругъ словно похруѣвшее лицо передернулось жалкою гримасою страданія и воя. Она заплакала.

— Я знаю, зачѣмъ ты пришла, — тихо сказала она, — Сергѣя убили, я это чувствую. Потому ты и Леньку отослала.

Валентина хотѣла что-то сказать — и не смѣла. Слезы мѣшали ей говорить.

### III.

На другой день въ обычный часъ Леонидъ пришелъ къ Валентинѣ. Уже онъ былъ въ траурной курточкѣ, и лицо его было блѣдное, огорченное и заплаканное. Онъ молча раздѣлся и сталъ на то же мѣсто, какъ и вчера.

Валентина нервничательно взялась за кисть. Леонидъ сказалъ:

— Послѣзавтра мамини именины. Тетечка, подари этотъ портретъ мамѣ въ ея именины. Онъ такой свѣтлый! Мама обрадуется, тогда я ей скажу: «Мама, снимии трауръ, не плачь, — отецъ умеръ, но я съ тобою, его сыночекъ и я буду сильный, смѣлый, и буду тебя радовать».

Ему хотѣлось плакать, но онъ стойко удерживалъ слезы. Онъ зналъ, что подъ кистью Валентины возникаетъ яркий, радостный, сильный образъ могучаго отрока, такого, какимъ Леонидъ хочетъ быть, какимъ онъ будетъ.

Валентина быстро работала. Цѣлый вечеръ продержала Леонида, давая ему по нѣсколькимъ минутъ отдыха.

Евгения пришла за сыномъ въ траурномъ платьѣ, блѣдная, еще болѣе похудѣвшая. Заслышавъ ея голоса въ прихожей, Леонидъ быстро подбѣжалъ къ Валентинѣ, и зашепталъ:

— Тетечка, не пускай сюда маму. Я хочу, чтобы она сразу увидѣла портретъ и обрадовалась.

Валентина кивнула головою, Леонидъ быстро отбѣжалъ на свое мѣсто. Открывавъ дверь, вошла Евгения. Валентина постыдно отодвинула подставку.

— Не смотри, Женя, — крикнула она, — портретъ еще не конченъ. Я и Ленякъ его пока не показываю.

— Хорошо, — отвѣчала Евгения, — я посижу съ Борисомъ.

#### IV.

На другой день къ вечеру портретъ былъ готовъ. Леонидъ стоялъ передъ нимъ, смотрѣлъ долго, счастливо улыбался и плакалъ. Огненные глаза, похожие на отпрыскъ, глядѣли на него съ портрета.



— Ну, дуракий! о чем же ты плачешь? — лаская его, спрашивала Валентина.

— Тетечка, — говорил Леонид, — я на портретъ такой яркій и радостный, точно не я, и въ то же время я. Ничего не боюсь, и все могу, что захочу.

— Да, — сказала Валентина — все сможешь, что захочешь. Вырастай умѣющимъ хотѣть и дѣлать. А завтра пораньше утромъ приходи за портретомъ, — покажешь его мамѣ самъ.

#### V.

Въ день маминыхъ именинъ Леонидъ утромъ сбѣгалъ къ тетѣ Валентинѣ. Принесъ портретъ, — большой, тяжелый, едва дотащилъ. Непременно захотѣлъ мамѣ нести.

— Что дѣлаетъ мама? — спрашивалъ у Ваши.

Сама хмуро отвѣчала:

— Известно что, — смотритъ на портретъ да плачетъ.

Леонидъ вошелъ къ матери.

— Мамочка, тетя Валя прислала тебѣ подарокъ.

— Ну, покажи, разверни, — слабо улыбнувшись, сказала Евгения.

Леонидъ торопливо сорвалъ бумагу, и поставилъ портретъ на стулъ.

— Смотри, мама.

И самъ пытливо смотрѣлъ на мамино лицо. Лицо Евгения слегка зарумянилось. Она глядѣла на изображеніе отрока, ярко-пламенѣющее передъ нею.

— Хорошо! Очень хорошо!

— Мама, это еще не я, — говорилъ Леонидъ, — но я такимъ буду.

— Это—мечта моя о тебѣ,—сказала Евгения,—о моемъ сынѣ, о сынѣ моего Сергѣя.

И опять заплакала. Леонидъ говорилъ настойчиво:

— Я такимъ буду. А ты, мама, радуйся, — отецъ умеръ доблестно, и я буду его помнить и буду достойнъ его свѣтлой памяти. Мама, мама, когда люди умираютъ такъ доблестно, не надо носить по нимъ трауръ. И когда они оставляютъ послѣ себя сыновей сильныхъ и смѣлыхъ, не надо носить по нимъ трауръ. Мама, сними трауръ, не печалься.—отецъ будетъ радъ, что его смерть не сломила тебя.

Евгенія плача обняла Леонида.

— Слабенькій ты у меня,—сказала она тихо.

Леонидъ быстрымъ движеніемъ вырвался изъ ея рукъ.

— Мама!—крикнулъ онъ—и я не хочу носить траура. Я хочу быть сильнымъ, радостнымъ и смѣлымъ.

И онъ проворно сбросилъ съ себя всю одежду, и стоялъ обнаженный рядомъ со своимъ изображеніемъ, блѣдная тѣнь созданнаго чарами искусства яркаго образа. Но глаза его пламенѣли такъ же, какъ огненные глаза изображеннаго отрока. Онъ дрожалъ весь, и настойчиво повторялъ:

— Мама, надѣнь то платье, которое ты спила къ именинамъ, а это ужасное платье сними сожги! Сними трауръ, мама, и радуйся!

Евгенія покачала головою.

— Какъ я могу радоваться, когда милый мой убитъ! Леонидъ заплакалъ и закричалъ:

— Я пойду на лѣстницу, на дворъ, и буду тамъ стоять на морозѣ голый, пока ты не скажешь мнѣ, что сегодня же снимаешь трауръ и надѣнешь праздничное платье.

И онъ стремительно выбѣжалъ изъ комнаты, толкнулъ въ дверяхъ входящую зачѣмъ-то Сашу, и побѣжалъ въ переднюю.

— Ленечка, Ленечка куда вы? — закричала испуганная Саша.

Но уже Леонидъ высочилъ на лѣстницу, и побѣжалъ внизъ. Успѣлъ добѣжать до пятаго этажа, когда сверху послышался голосъ Евгени:

— Леся, вернись, я сниму трауръ, и не надѣну его пока ты со мною.

Леонидъ побѣжалъ вверхъ, навстрѣчу бѣгущей къ нему по лѣстницѣ Евгени. Она обняла его, смѣясь и плача, и повела его домой, повторяя:

— Радость моя, сыночекъ свѣтлый, мы не будемъ носить трауръ. Свѣтлой душѣ отца твоего не нужны наши слезы, наши вздыханья. А я помогу тебѣ стать такимъ свѣтоварнымъ, какимъ написала тебя тетя Валя.